

Кристина Миляева

Аромат лаванды
и
свежего хлеба

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М60

Иллюстрация на обложке LEKSAART
Художественное оформление *Алёны Шороховой*

Миляева, Кристина.
М60 Аромат лаванды и свежего хлеба / Кристина Миляева. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Румперия. Шепот любви).

ISBN 978-5-04-235639-1

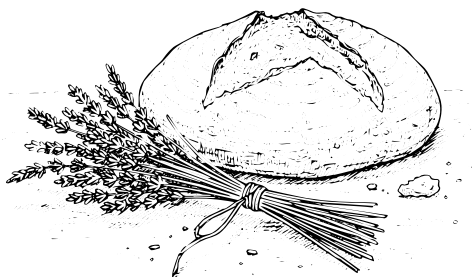
Анна Соколова понимает, что жизнь в большом городе ей надоела, и делает то, на что другие решаются только в кино: бросает все и уезжает в крошечный приморский городок, где время течет по своим правилам.

Лавровый Берег встречает ее запахом соли, тишиной и... Максимом. Он — полная противоположность офисным карьеристам: не строит графиков на пять лет вперед, пахнет выпечкой и, кажется, знает секрет идеального хлеба (и идеального счастья).

Сможет ли Аня променять жизнь в мегаполисе на уютную пекарню и найти здесь то, что не купишь за деньги? И позволит ли себе перестать бежать и стать по-настоящему счастливой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235639-1 © Кристина Миляева, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Все началось с того, что однажды утром я поняла: еще один день в этом офисе, еще один слайд с бессмысленной инфографикой, еще один часовой спор о том, насколько голубым должен быть этот самый голубой цвет — и я сойду с ума. Окончательно и бесповоротно. Это было не внезапное озарение, а скорее тихое, копящееся месяцами, как пыль на моем рабочем столе, заваленном стикерами, скетчбуками и чашками с давно остывшим чаем, осознание. Оно свалилось на голову и не пожелало раствориться в офисной суете.

Воздух был спертым и густым, пах остывшим кофе из капсульной машины, пластиком новеньких мониторов и едва уловимым запахом отчаяния. Кондиционер гудел, как уставший шмель, безуспешно пытаясь оживить атмосферу. Я смотрела на экран,

на котором растянулся логотип очередного банка — мое детище, рожденное в муках после трех недель бесконечных правок и согласований, и не чувствовала ровным счетом ничего. Ни гордости, ни досады. Пустоту. Белую, безразличную и бесконечно глубокую пустоту. Подобную белому шуму на экране неработающего телевизора.

В мирской жизни я была Анной Соколовой, а в офисе — той с при звездинкой, но с руками из нужного места, и на тот момент мне было двадцать три года. Я работала младшим дизайнером в небольшом, но амбициозном рекламном агентстве в самом сердце миллионного города. Мечта многих моих однокурсников. Стабильно, модно, престижно. Только вот к моей собственной мечте это не имело никакого отношения.

Точнее, она испарилась в суете безжизненной гонки по кругу. Работа — дом — работа — дом... И так за днем протекал день, и все сливалось в бесконечное ничто... Теперь моя мечта пахла акварельными красками, старыми книгами и морем. А здесь стоял аромат тонера от принтера и горьких духов Толика, сидящего за соседним столом, — он выливал их на себя литрами.

Я потянулась к кружке и сделала глоток зеленого чая с жасмином — моя единственная попытка создать хоть какой-то уют в этом пространстве веч-

ного хаоса и гениальной неадекватности. Горячий напиток обжег горло, и я почувствовала, как по запястью пробежала легкая дрожь. Левая рука. Там, чуть ниже косточки, была маленькая, едва заметная родинка. Я всегда непроизвольно касалась ее пальцем, когда нервничала или была на пределе. В тот момент она будто пульсировала, напоминая о том, что я жива, хотя внутри все казалось вымершим.

— Соколова! — резкий голос арт-директора Дмитрия прорезал монотонную тишину офиса. — Клиент в восторге! Но хочет еще немного поднять насыщенность. И шрифт сделай повеселее. Что-нибудь потолще, позаметнее.

Я медленно повернулась к нему. Он стоял возле моего стола, сияя от самодовольства, и мысленно считал нолики в нашем гонораре за прекрасно выполненный срочный заказ. Успешная сделка... Еще одна галочка на его карте креативного гения. Хотя всю работу выполнила исключительно я!

— «Повеселее» и «потолще» — это не техническое задание, — тихо сказала я, чувствуя, как нарастает знакомая тяжесть под ложечкой.

— Аня, милая, не усложняй, — снисходительно улыбнулся он, сделав ударение на слове «милая». — Они платят. Они правы. Просто сделай, как они говорят. И перезалей файлы на фтп, а то там опять какая-то беда с доступом.

От этого слова меня всегда передергивало. Оно звучало как приговор. «Милая» — значит, несерьезная. «Милая» — значит, можно не вникать в ее профессиональное мнение. А в его устах это казалось величайшей насмешкой над всеми представительницами женского пола. Так и хотелось плюнуть ему в наглую, заплывшую жиром рожу, но воспитание не позволяло даже голос поднять и возмутиться.

Он развернулся и ушел, оставив после себя шлейф дорогого парфюма и ощущение полнейшей профнепригодности. Я снова посмотрела на экран. На этот желто-синий логотип, который должен был символизировать «надежность и динамику». Он мне откровенно не нравился. Но это было уже неважно. Важно было сделать шрифт «повеселее».

Я взяла мышку, увеличила насыщенность, как просили. Цвет стал ядовитым, кричащим. Именно таким, каким его и хотели видеть. Безвкусно, зато заметно. Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Перед внутренним взором поплыли круги от усталости и бессилия.

Мысль о побеге возникала и раньше. Сначала робко, как будто крадучись, боясь спугнуть саму себя. Потом настойчивее, громче. Особенно по ночам, когда я лежала в потемках своей съемной однушки и слушала, как за окном гудит город, который никогда не спит. Мне снилось море. Не конкрет-

ное место, а именно ощущение бескрайнего простора, соленого ветра, бьющего в лицо, крики чаек и полное, абсолютное отсутствие необходимости куда-то бежать.

А еще мне снился запах свежего хлеба. Странный, на первый взгляд, сон для девушки, выросшей в городе супермаркетов и готовых завтраков в пластиковых контейнерах. Но этот запах с детства был для меня символом чего-то настоящего, теплого, домашнего. Он стойко ассоциировался с бабушкой, с ее дачей, с летними каникулами, с тем временем, когда я была по-настоящему счастлива.

Нынешнее же мое счастье измерялось количеством лайков под сторисами с видами на ночной мегаполис с крыши модного бара и одобрительными кивками парня, с которым я тогда встречалась, Сергея. Красивый, успешный, правильный. Работал в крупной IT-компании. Водил меня в дорогие рестораны и говорил о наших блестящих перспективах. Его раздражала моя привычка читать бумажные книги — «Зачем, есть же электронные?» — и совсем не радовали мои попытки писать маслом по выходным.

— Милая, это мило, — говорил он, листая мой скетчбук с акварелями и рисунками цветными карандашами. — Но хобби должно приносить доход или хотя бы пользу для имиджа. Лучше бы англий-

ский подтянула. Или курс по проект-менеджменту прошла. Это сейчас в тренде.

Я запирала свои «милые» рисунки в дальний ящик стола и шла подтягивать английский. А по ночам мне все так же снилось море. И хлеб...

Переломный момент наступил за неделю до моего внезапного прозрения в офисе. Мы с Сергеем сидели в очередном пафосном месте, и он рассказывал о возможности переезда в Штаты по работе. Говорил стремительно, его глаза горели. Я слушала и понимала, что в этой блестящей картине будущего нет меня. Вернее, я в ней была бесплатным приложением, как красивый и удобный аксессуар, который должен молча следовать за ним, подставляя щечку для поцелуя на корпоративах и безупречно ведя светские беседы. Глупая кукла, чье место на полке.

— А что с моей работой? — робко спросила я, уже зная ответ.

— Бросишь, конечно, — недоуменно пожал плечами он, как будто я спросила что-то само собой разумеющееся. — Ты же не всерьез считаешь это карьерой? Это так, временное увлечение. Найдешь там что-нибудь... Ну... Более подходящее по статусу. Или просто отдохнешь. Моя зарплата в четыре раза больше твоей, уж без лишней копеечки с голоду точно не помрем. Ты же знаешь, что я иду на повы-

шение. А там и нолик к месячному доходу прибавится. Не переживай, солнце, мы со всем справимся и разберемся.

В его тоне не было злобы. Была легкая снисходительность и полная уверенность в своей правоте. И в тот самый момент я поняла, что мы говорим на разных языках. Живем в разных вселенных. Его вселенная была выстроена из стекла, бетона и амбиций. Моя же... Моя была нарисована акварелью, нечетко, размыто, но в ней были запахи, цвета и ощущения, которых не существовало в его мире.

Мы расстались тихо и без скандалов. Он сказал, что я несерьезная и что мы «не сошлись в приоритетах». Я с ним согласилась. Приоритеты у нас и правда были разные. Он хотел покорять мир. А я — просто найти в этом мире свое маленькое, тихое место. Как-то беззубо и обыденно закончились мои единственные отношения длиною в восемь долгих лет.

И вот я сидела в офисе, смотрела на ядовито-синий логотип и понимала, что больше не могу существовать настолько бессмысленно и рутинно. Не могу делать вид, что меня волнует цветопередача, дизайн и насыщенность. Не могу делать вид, что моя работа имеет смысл. Не могу дышать этим спертым воздухом.

Я встала, отнесла кружку на кухню, прошла к своему столу и начала собирать вещи. В глубо-

кой тишине. Никто не обратил на меня внимания. Все были поглощены своими дедлайнами, графикой и шрифтами. Только когда я накинула пальто и взяла в руки коробку со своими скетчбуками, старенькой пленочной камерой и засохшей веточкой лаванды — единственным намеком на природу в моем казенном уголке, ко мне подошла стажерка Лиза.

— Ты уходишь? — удивленно хлопнула она глазами.

— Да, — улыбнулась я, и это была самая искренняя улыбка за последние несколько месяцев.

— Куда? — прощепетала Лиза.

— Искать свое место в этом бескрайнем мире возможностей, — ответила я и вышла в коридор, не дав ей опомниться.

Решение созрело мгновенно, будто ждало этого толчка. Последнего аккорда в похоронной рутине ежедневного бессмысленного скитания. Я еду... Куда угодно! Только не назад. На последние деньги, отложенные на черный день, который уже наступил. Ведь дальше вязнуть в этой трясине было выше моих сил. Мечта звала и пахла морем, лавандой и свежим хлебом.

Я нашла в интернете домик в маленьком приморском городке. Сдавала его пожилая пара. На фотографиях он показался мне игрушечным: белые стены, ярко-синие ставни, черепичная крыша.

И всего в двух шагах от пляжа. Цена была смешной по столичным меркам. Я свою однушку снимала в три раза дороже, чем там стоил целый домик у кромки воды. Я позвонила, договорилась, купила билет на поезд.

В тот же вечер упаковав свою нехитрую жизнь в чемодан, я не испытывала ни страха, ни сомнений. Только легкость, похожую на эйфорию. Я включала музыку, танцевала посреди комнаты и чувствовала, как с плеч спадает тяжелый невидимый груз. Я оставляла позади не только душный офис, но и целую версию себя — удобную, понятную, но такую чужую.

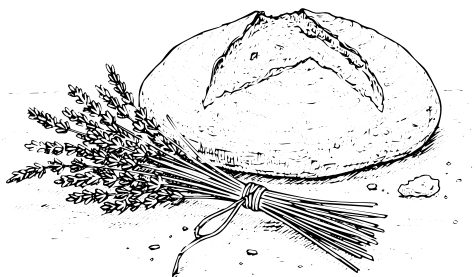
Мой план был простым: уехать на все лето. Перегрузиться. Подумать. Понять, чего же я хочу на самом деле. Рисовать, читать, гулять, дышать морским воздухом. А там видно будет. Главное — сделать этот шаг. Выйти из клетки с золотыми прутьями, которую я сама же и выстроила вокруг себя.

И вот он, мой поезд. Увозящий меня от громады небоскребов, суеты, чужих ожиданий. К морю. К лету. К незнакомому, но такому манящему запаху свежего хлеба. Я прижалась лбом к прохладному стеклу вагона и смотрела, как за окном мелькают поля, леса, маленькие станции.

Я еще не знала, что меня ждет. Не знала, что в маленькой пекарне на берегу моря меня поджи-

Кристина Милаева

дал человек с теплыми карими глазами и широкой, открытой улыбкой. Не знала, что этот побег обернется не бегством, а настоящим, долгожданным возвращением. Домой. Но это чувство надежды, смешанной со свободой, было таким острым и сладким, что я зажмурилась, стараясь запомнить его навсегда. Впереди была целая жизнь, и это значило слишком много для меня. Все только начиналось...

Глава 1.

Вагон с синими ставнями

Поезд с глухим стуком тронулся, оставляя за собой шум и гул вокзала, а вместе с ними и мою прошлую жизнь. Я прижалась лбом к прохладному стеклу, наблюдая, как знакомые очертания большого города расплываются, тают в мареве летнего зноя, сменяются бесконечными полями, редкими перелесками, далекими деревеньками, залитыми золотым светом заходящего солнца. В груди странно щемило. Прощальная грусть, смешанная с предвкушением чего-то абсолютно нового. Я сомкнула веки, вдыхая пыльный, но уже пахнувший свободой воздух вагона, и позволила себе просто наслаждаться мгновением тишины и покоя. Чувствовать легкость, граничащую с невесомостью, и тихую, пока еще робкую радость.

Путешествие заняло всю ночь и большую часть дня. Я почти не спала, слушая мерный перестук колес и негромкие, убаюкивающие разговоры попутчиков. Читала, смотрела в окно на мелькающие пейзажи, которые постепенно менялись: вместо равнин и полей появились холмы, зазеленели первые сосны, а потом, уже под утро, вдали мелькнула узкая серебристая полоска моря. От его вида сердце екнуло, забилося чаще. Оно было совсем не таким, как на картинках. Бескрайним и синим, переливающимся от насыщенного индиго и бутылочного изумруда до искрящейся голубизны и белых барашков пены. Оно было бескрайним, сливающимся с небом на горизонте, но от этого не менее прекрасным. Оно было настоящим.

Моя конечная станция оказалась маленьким, почти игрушечным вокзальчиком из желтого песчаника, утопающим в зелени дикого винограда. Платформа была пустынна, если не считать пары отдыхающих с огромными рюкзаками и старика, дремавшего на скамейке в тени. Воздух ударил в лицо — густой, соленый, с примесью запаха хвои и нагретых на солнце камней. Я сделала глубокий вдох, и в легких с непривычки затрепетало. Таким воздухом невозможно надышаться. Он пьянил, как шампанское. Чистый, свежий и искрящийся.

Со мной на перрон вышла лишь горстка людей, которая тут же растворилась в узких улочках, убегав-

ющих вглубь городка. Я осталась стоять с чемоданом, чувствуя себя немного потерянной, но абсолютно счастливой. После постоянного гула мегаполиса тишина оглушала. Ее нарушали лишь стрекот цикад где-то в кустах, далекий крик чайки и ленивый перезвон колоколов с церквушки на холме.

До домика, который я сняла, нужно было идти пешком минут десять. Хозяйка, добрая женщина по имени Валентина Степановна, предупредила меня об этом по телефону, предложив встретиться на станции, но я отказалась. Мне безумно хотелось пройти самой, прочувствовать каждую энергетическую отдушину этой земли, вдохнуть ее полной грудью.

Дорога петляла меж невысоких домиков с черепичными крышами, утопающих в зелени. В палисадниках буйно цвели розы, гортензии и, конечно же, лаванда. Ее фиолетовые островки, источающие терпкий, умиротворяющий аромат, встречались повсюду. Из открытых окон доносились обрывки разговоров, запахи готовящейся еды. Шашлык, тушеные овощи, жареная рыба, спелые фрукты и домашние настойки. Все было каким-то невероятно уютным, домашним, настоящим.

Я шла медленно, волоча чемодан по выщербленной брусчатке, и старалась запомнить каждую деталь: вот кошка, растянувшаяся на теплом камне забора, вот старушка, поливающая из лейки герань